

Г. Н. Высоцкій.

Viribus unitis!

(По поводу статьи К. А. Тимирязева),

par G. Vyssotzky.

Въ двухъ январскихъ номерахъ „Русскихъ Вѣдомостей“¹⁾ въ видѣ фельетона помѣщена рѣчь профессора К. А. Тимирязева подъ заглавіемъ „Наука и земледѣлец“.

Въ этой рѣчи указывается на то, что мы находимся теперь въ такой „полосѣ“, „когда настоятельныя задачи жизни властно отодвигаютъ на второй планъ запросы чистаго знанія или удовлетворенія простой любознательности“, выдвигая на первый планъ „гражданскія обязанности современнаго русскаго ботаника“ придти на помощь къ кормильцу Россіи, крестьянину-землепашцу, съ безкорыстнымъ просвѣтительнымъ трудомъ на „народной нивѣ“ (въ буквальному смыслѣ слова) для освобожденія его отъ „власти земли“.

К. А. напоминаетъ, что „современный буржуазный строй“, который ввелъ насъ въ настоящую „полосу“ кризиса, въ то-же время не отказываетъ наукѣ въ „извѣстномъ почетѣ“, что онъ „предоставляетъ ей крупницы, падающія съ роскошной трапезы капитализма“. Напоминая это, К. А. заставляетъ задуматься о будущности самой науки: „раздѣляя съ сегодняшними побѣдителями ихъ добычу, не будетъ-ли она (наука) когда-нибудь вмѣстѣ съ ними привлечена къ отвѣту“. Но наука, добавляетъ учитель, необходима и демократіи, которая стала-бы сама рабою природы, если-бы отшатнулась отъ нея.

Необходимо спѣшить, такъ какъ возможное (по указанію А. И. Чупрова), при самомъ радикальномъ рѣшеніи стоящаго на ближайшей очереди аграрнаго вопроса, увеличеніе общей пло-

¹⁾ № 21 и сл. Позднѣ эти фельетоны были выпущены отдѣльнымъ изданіемъ подъ тѣмъ-же заглавіемъ. М. 1906. Стр. 1—31. Ц. 10 коп. Наст. замѣтка напечатана также въ „Лѣсн. Журн.“ за 1906 г.

щади крестьянскаго землепользованія всего на 42%, при современномъ ростѣ населенія, можетъ отодвинуть грозный призракъ малоземелья всего лишь на какіе-нибудь 15 лѣтъ, по истеченіи которыхъ мы будемъ стоять уже передъ „роковымъ физическимъ фактомъ, передъ которымъ будутъ безсильны какія-либо законодательныя мѣры“ — передъ фактомъ „вторичнаго и окончательнаго малоземелья“, когда русскій народъ можетъ явить собою страшный примѣръ, оправдывающій грозную теорію Мальтуса.

Два основныхъ закона, какъ извѣстно, руководятъ продуктивностью растительности: законъ возврата и законъ минимума. По первому закону, производительность земли постепенно понижается, если не возвращать въ нее хотя-бы части извлекаемыхъ изъ нея пользуемыми растеніями питательныхъ веществъ, или не давать ей отдыха для естественнаго возстановленія плодородія; по второму-же закону, степень продуктивности растительности зависитъ преимущественно отъ того фактора плодородія, который находится въ минимумѣ.

Тутъ-же К. А. остроумно переноситъ приложимость этихъ законовъ съ почвы на самого нашего крестьянина, указывая на невозможность безнаказанно эксплуатировать его, ничего ему не давая, даже никакой передышки, и на то, что среди общихъ условій успѣха у крестьянина въ минимумѣ находится, очевидно,—знаніе.

Выходъ изъ критическаго положенія ясенъ. Необходимо просвѣтить крестьянина, научить его, какъ можно увеличивать урожайность полей, и дать ему для этого необходимыя средства. Последнія должно, конечно, дать правительство; невозможности въ этомъ отношеніи допустить невозможно: „утверждать, что это невозможно, значитъ утверждать, что дальнѣйшее существованіе русскаго народа на широкомъ просторѣ его родины невозможно“. Научить-же крестьянина и есть та гражданская обязанность современнаго русскаго ботаника, на которой останавливается Тимирязевъ.

„Но почему гражданскія? Почему русскаго, да еще современнаго“, предугадываетъ вопросы К. А., но я-бы спросилъ, почему-же только ботаника? какого ботаника?

„Я обращаюсь съ призывомъ къ ботаникамъ (курс. авт.), разумѣя подъ этимъ не цѣховаго ученаго, а всякаго, успѣвшаго приобрѣсти тѣ, по существу, ботанико-физиологическія знанія, которыя для этого наиболѣе важны ¹⁾“.

¹⁾ „Не даромъ Буссенго въ заголовкѣ своихъ трудовъ между словами химія и агрономія поставилъ физиологія“. (Выписка Тимирязева).

Такого, можно сказать, сѣуженно-расширенного типа ботаникъ, по мнѣнію К. А., долженъ явиться чуть-ли не единственнымъ, во всякомъ-же случаѣ бесспорно-главнымъ спасителемъ Россіи, передъ которымъ всѣ прочіе дѣятели должны отойти на задній планъ.

Рѣшить вопросъ о поднятіи продуктивности почвы должна наука. „И прежде всего наука о растеніи. Потому что истинный кормилецъ крестьянина—не земля, а растеніе, и все искусство земледѣлія состоитъ въ томъ, чтобы освободить растеніе отъ „власти земли“.

Прочъ неблагодарную землю, родящую только „терніи и волчечъ!“ Въ землѣ растеніе не нуждается. Чтобы основательно убѣдить въ этомъ нашего темнаго землепашца, который глубокоубѣжденно зоветъ ее своею кормилицею, К. А. рекомендуетъ устройство безчисленныхъ демонстративныхъ „теплицъ“ удешевленного типа для вегетативныхъ опытовъ, показывающихъ ненужность земли. „Ничто не можетъ сравниться съ впечатлѣніемъ, которое выносятъ люди, незнакомые съ наукою, при видѣ могучихъ экземпляровъ ржи или овса, никогда не видѣвшихъ подъ собою земли и выращенныхъ въ водѣ со щепоткою удобрительныхъ солей“.

Но съ этимъ совершенно не гармонируетъ приводимое въ концѣ рѣчи живое описаніе парижскаго памятника Буссенго во дворѣ консерваторіи искусствъ и ремеслъ. На этомъ памятникѣ у подножья колоны, поддерживающей бюстъ знаменитаго агрокультурхимика, помѣщены двѣ фигуры. Изъ нихъ одна—женщина, окруженная научными колбами и ретортами, держащая въ одной рукѣ книгу, а другою указывающая на землю. Предъ нею стоитъ другая фигура—могучій земледѣлецъ, работникъ съ мотыгою въ рукахъ. Эта женщина (наука) вдохновенно посвящаетъ земледѣльца въ тайны земли, тайны ея плодородія, чтобы онъ зналъ, какъ можно воспользоваться ея свойствами, ея природными силами для поднятія ея производительности, надъ которою съ потомъ на лицѣ работаетъ человѣкъ.

Именно скульпторъ Далу, творецъ описаннаго памятника, правильно уловилъ идею прогресса земледѣлія, сосредоточивая вниманіе зрителя на землѣ, а не Тимирязевъ, эмблемою котораго является горохъ изъ водной культуры.

Да проститъ мнѣ мой глубокоуважаемый учитель, лекціи и дѣятельность котораго производили на меня всегда самое глубокое впечатлѣніе, да проститъ онъ мнѣ грѣховную, можетъ быть, мысль. Я буду откровененъ. Не могу отстраниться отъ впечатлѣнія въ данномъ случаѣ какой-то сердитой нетерпимости, ревности, которая проскальзываетъ въ отношеніи